

УДК 9

ББК 63.3

Журавлев С.И.

U-2: ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЁТ

50-е годы XX века были временем, когда американцы, в том числе и их президент Дуайт Эйзенхауэр (с 1952 по 1960 гг.), жили в состоянии огромного напряжения. Катастрофа Пёрл-Харбора стояла перед глазами американских лидеров, и они отчетливо представляли себе опасность внезапного нападения. Когда в арсенале СССР, второй сверхдержавы, противостоящей США на международной арене, появились атомные и водородные бомбы, страх перед «ядерным Пёрл-Харбором» заставлял американскую правящую элиту наращивать количество своих атомных бомб. Но увеличение количества бомб влекло за собой только рост военных расходов и напряжённости в отношениях двух стран.

Эйзенхауэр стал искать выход из сложившейся ситуации. В 1955 году ему в голову пришла идея так называемого «Открытого неба». Суть её была в том, чтобы СССР и США открыли друг другу свои воздушные пространства и аэродромы, с которых и те, и другие могли непрерывно совершать разведывательные полёты над территорией друг друга. Сам Айк (уменьшительное от Дуайт, так американцы называли своего президента [1]) не собирался нападать на русских и поэтому мог ничего не скрывать. А вот полёты американцев над территорией СССР, по его мнению, сделали бы невозможной скрытую подготовку русских к войне. Ведь то, что творилось по другую сторону «железного занавеса», было для американцев полнейшей загадкой. В начале 50-х годов американские военные были вынуждены пользоваться картами, изданными ещё в царской России, или же картами немецкой аэрофотосъемки времён второй мировой войны.

В июле 1955 года при личной встрече в Женеве Эйзенхауэр передал своё предложение об «Открытом небе» Никите Сергеевичу Хрущёву. Новый советский лидер воспринял эту идею как неприкрытый шпионский заговор против Советского Союза, и, естественно, наотрез отказался от инициатив американского президента [2]. Тогда Эйзенхауэр отдал директору Центрального разведывательного управления Аллену Даллесу негласный приказ о начале разведывательных полетов над СССР. Сначала они не дали успешных результатов. Но в 1957 году в распоряжении ЦРУ появился новый высотный самолёт-разведчик «Локхид U-2» с комплектом высокоточной аппаратуры для аэрофотосъёмки [3].

Полёты U-2 начинались с американских авиабаз в Турции, Иране, Пакистане и на недосыгаемой для советских истребителей высоте в 20 км проходили над центральными районами СССР и заканчивались в Норвегии. Для военно-политической элиты США они явились настоящим прозрением. По оценкам ЦРУ, число целей на территории Советского Союза возросло с 3 до 20 тысяч. После каждого возвращения U-2 Пентагон и ЦРУ набрасывались на привезённые пленки. Их тщательно исследовали, а потом докладывали самому президенту. Это делал сам Даллес и руководитель полётов Ричард Биссел.

Но в 1959 году наметилось потепление в отношениях между СССР и США. В сентябре состоялся первый в истории визит главы Советского Союза в Соединённые Штаты. А в середине мая следующего, 1960 года, Эйзенхауэр и Хрущёв должны были встретиться в Париже вместе с премьер-министром Великобритании Макмилланом и президентом Франции де Голлем, после чего должен был состояться ответный визит американского президента в Москву. Во время встречи в Кэмп-Дэвиде отношения между Хрущёвым и Эйзенхауэром сложились вполне доверительные (президент предложил Никите Сергеевичу называть его «май фрэнд», а он будет называть Хрущёва «мой друг») [4]. Может быть впервые со времен начала «холодной войны» США и СССР были так близки к реальному соглашению о запрещении ядерных испытаний, а в перспективе и об остановке гонки вооружений. Для Эйзенхауэра это был бы замечательный завершающий аккорд его политической карьеры — срок его второго президентства истекал в конце 1960 года. Вот почему, когда ЦРУ стало настаивать на активизации полётов U-2 над территорией СССР, Эйзенхауэр «сказал, что это решение одного из самых сложных, рвущих душу вопросов, с какими ему приходится иметь дело как президенту».

Один из помощников Эйзенхауэра, Гудпейстер, позднее вспоминал: «Президент видел во встрече на высшем уровне один очень важный положительный аспект с точки зрения влияния на свободный мир. Это — его репутация честного человека. Если хотя бы один из самолетов (U-2) будет потерян в тот момент, когда мы будем заняты, по-видимому, откровенными переговорами, то его могут выставить на обозрение в Москве и полностью свести на нет эффективность действий Президента» [5]. Однако Эйзенхауэр одобрил дополнительные полёты, но не более одного в месяц. Что побудило американского президента рискнуть репутацией «честного Айка»? В числе причин подобного решения было то, что полёты продолжались уже почти три года, а русским так и не удалось сбить ни одного самолёта. Другая причина — уверения шефа ЦРУ, что русским ничего не удастся доказать: обломки самолёта при падении с 20-километровой

высоты просто превратятся в «кучку мусора». Последний полёт произошел 9 апреля 1960 года и практически сразу же Биссел попросил разрешения на следующий. Эйзенхауэр дал согласие: в любой день в течение ближайших двух недель. Но как раз в это самое время территория России закрылась облаками. А чтобы получить снимки для U-2, нужна практически безоблачная погода. Срок продлили на неделю, но при условии, что «ни одна операция не должна осуществляться после 1 мая». Встреча на высшем уровне в Париже была назначена на 15 мая.

В ночь на 1 мая 1960 года на американской базе в Пешаваре (Пакистан) Френсиса Гарри Пауэрса — бывшего пилота американских ВВС, а ныне наёмного летчика ЦРУ — подняли с постели и наскоро накормили яичницей с беконом. Теперь ему предстояло поститься тринадцать часов, пока не доберётся до Норвегии. В 6:27 из Вашингтона поступил приказ. Чёрный самолет поднялся в воздух. Теперь ему предстоял путь почти в 6 тысяч километров через всю территорию Советского Союза до норвежского города Будё. Первая цель — космодром Тюратам (позже названный Байконуром), откуда запускали спутники и ракеты.

Советские радары «повели» Пауэрса от самой границы. В шесть часов утра по московскому времени в спальне у Никиты Сергеевича Хрущёва на Ленинских горах зазвонил телефон: «Докладывает министр обороны Маршал Советского Союза Малиновский. Американский разведывательный самолёт пересёк нашу границу с Афганистаном, вторгся в советское воздушное пространство и теперь летит по направлению к Свердловску». «Ваше дело сбить его любыми средствами», — пробурчал недовольный со сна Хрущёв.

Космодром Тюратам охраняли три дивизиона, оснащенные ракетами «С-75». Один из них — как раз тот, над которым пролетал Пауэрс, — накануне Первой мая был снят с боевого дежурства для проведения регламентационных работ. Поэтому U-2 спокойно прошёл над их позициями и направился к Свердловску. Там его в полной боевой готовности ждали несколько зенитно-ракетных дивизионов. Как потом выяснилось, на карте Пауэрса они были обозначены жирным синим карандашом.

Огибая Свердловск, U-2 напоролся на дивизион капитана Н.М. Воронова. Ни медля ни секунды, он отдал приказ: «Пуск!» Однако офицер наведения старший лейтенант Фельдман замешкался. «Да пуск же... твою мать!» — заорал Воронов [6]. Ракета взорвалась чуть дальше цели, и от удара взрывной волны хрупкий самолёт Пауэрса начал рассыпаться. На экране локатора цель исчезла, и он как бы покрылся зеленоватыми

хлопьями снега — так выглядят либо искусственные помехи, либо обломки сбитого самолета.

Пауэрс пролетел ровно половину пути: в Вашингтоне был 1 час 53 минуты, а в Москве — 8 часов 53 минуты утра. Сзади от самолёта раздался глухой хлопок. Машину сильно тряхнуло и Пауэрс закричал: «Боже мой! Все-таки я получил!» Мотор заглох, и самолёт клюнул носом вниз. Пауэрс потянул штурвал на себя и понял, что самолет неуправляем. Его стало швырять по кабине — это отваливалось крыло. Бескрылый фюзеляж беспомощно падал на землю [7].

Согласно инструкциям, лётчик должен нажать на панели две кнопки, включавшие механизм подрывного устройства. После этого у него будет 70 секунд, чтобы катапультироваться, прежде чем взорвутся и самолёт, и камеры, и все другие свидетельства шпионского оборудования. А без этого оборудования русские никогда не смогут доказать, что американское правительство отправило самолёт со шпионскими целями. На следующий день НАСА опубликует сообщение, что один из самолётов-наблюдателей погоды заблудился в России и пропал.

Пауэрс потянулся к кнопкам «Взрыв», но остановился. Среди пилотов вполголоса поговаривали, что эти кнопки лучше не трогать. Кто знает, не предусмотрели ли хитрые конструкторы из ЦРУ такой взрыв, который вместе с терпящим бедствие самолётом отправит к праотцам и пилота. Так будет верней: никаких улик. Да и катапультирование... Как и все пилоты, Пауэрс побавался его. С огромным усилием Пауэрс откинул пластиковый коляк. Ему удалось вывалиться за борт. Над головой хлопнул купол парашюта.

Между тем, на земле творилось следующее. Репорт капитана Воронова об уничтожении воздушной цели застрял в каких-то инстанциях, и на командном пункте армии ПВО об этом не знали. Поскольку приказ был сбить любой ценой, на перехват не существующего уже нарушителя подняли пару МИГ-19. Однако вскоре эти истребители оказались в районе действия другого ракетного дивизиона, который тоже получил приказ сбить нарушителя. На запрос с земли «Я — свой» они не ответили (как выяснилось потом, при взлёте не включили автоответчики), и командир ракетного дивизиона майор Шугаев отдал приказ: «Пуск!» МИГ-19 старшего лейтенанта Сафронова был сбит первой ракетой. Лётчик погиб. Второй МИГ от ракеты уклонился [8].

А Френсис Гарри Пауэрс приземлился на свежеспаханное поле. На несколько секунд он то ли потерял сознание, то ли отключился. В ушах стоял звон, когда он ошарашено смотрел на колхозника, который помогал ему встать на ноги. Ему помогли

отстегнуть стропы парашюта и снять шлем. Постепенно вокруг собралось около полусотни человек, которые что-то спрашивали. Пауэрс мучительно соображал: что делать? Только сейчас до него дошло, что лётчиков толком не инструктировали, как себя вести, если попадут в плен. Вроде бы ему нужно говорить, что совершал обычный полёт по сбору метеорологических данных, но у него вышел из строя компас, и он заблудился.

Колхозники задержали Пауэрса неподалеку от деревни Поварня. А увидев на его пистолете с глушителем буквы – USA, сдали его в ближайшую воинскую часть. Оттуда его переправили в Свердловск, где он попал в местное отделение КГБ. Там в рассказы о сборе метеоданных и испорченном компасе никто не поверил. Тем более, что катушка с отснятой пленкой оказалась в полной сохранности. Попала в руки сотрудников КГБ и карта полёта Пауэрса, на которой чёткими ломанными линиями был вычерчен маршрут от Пакистана до Норвегии. Здесь же были пачки советских рублей, валюта других стран. Особенно бестолковыми выглядели среди снаряжения Пауэрса пара золотых часов и семь женских золотых колец (Довольный Хрущёв потом будет иронизировать по этому поводу: «Зачем всё это нужно было ему в верхних слоях атмосферы? Или, может быть, лётчик должен был лететь еще выше — на Марс и там собирался соблазнять марсианок?») [9]. Когда же в Свердловском отделении КГБ Пауэрс заявил, что он гражданский пилот, нанятый ЦРУ, его срочно переправили в Москву.

В Вашингтоне была глухая ночь. Там ничего не знали об инциденте с U-2. Только в полдень 1 мая в американской столице забили тревогу, так как в назначенные сроки Пауэрс в Норвегии не объявился. Ричард Биссел решил действовать. Прежде всего он достал из сейфа старое, приготовленное еще три года назад, сообщение для печати на случай, если U-2 потерпит катастрофу в Советском Союзе. Разумеется, теперь его надо было переработать. Но Биссел был убеждён: версия должна оставаться прежней. Пилот, совершавший обычный метеорологический полёт, заблудился из-за неполадок с навигационным оборудованием, пересёк по недоразумению советскую границу и был сбит [10]. Обломки самолёта русские увезли вглубь страны, чтобы обвинить американцев в шпионаже. Биссел был убеждён, что Советский Союз никогда не сможет доказать, что это не так. Но всё это при условии, что лётчик погиб.

Весь день 2 мая Москва и Вашингтон напряжённо приглядывались друг к другу: кто сделает первый шаг. Пауэрса допрашивали уже вторые сутки. Он решил, что будет лучше ничего не скрывать. И чем больше он говорил, тем яснее становилось, что его полёт — не случайность, а одна из регулярных шпионских миссий по раскрытию самых сокровенных тайн Советского Союза — размещению ракет. В Вашингтоне, разумеется,

этого не знали, но каких-либо признаков напряжённости в Москве не обнаружили. Первомайские праздники шли своим чередом. В американской столице хотели верить, что так будет и дальше. Русские сбили этот проклятый самолёт и на этом успокоились. Хрущёв всегда добивался встречи в верхах и не захочет теперь раздувать скандал, а то и вообще смолчит.

Наступило 3 мая. Вашингтон не мог больше ждать. Управление авиации — НАСА опубликовало заявление, что «исследовательский самолёт НАСА, совершавший полёт в Турции по совместной программе службы погоды, по-видимому, упал в районе озера Ван. Этот полёт совершался с целью сбора данных по выяснению воздушных турбулентностей». Американская печать не обратила внимания на это сообщение. А Москва продолжала загадочно молчать.

Лишь 4 мая на заседании пленума ЦК, проходившего в строгой тайне, Хрущёв заявил собравшимся: «Товарищи, гвоздем завтрашней сессии Верховного Совета станет вопрос об американском шпионском самолете, который мы сбили на Урале. Я информирую об этом депутатов. Но я не буду говорить им, что летчик жив и сидит у нас на Лубянке. Пусть это будет пока нашей тайной. А потом мы сделаем американцам сюрприз». В кругу близких Никита Сергеевич был еще откровенней: «Нужно сбить с толку правящие круги США. Пока американцы считают, что пилот погиб, они будут рассказывать сказки, что самолет случайно сбился с курса, был сбит и упал в горах на советской стороне границы. А когда они заврутся совсем, мы откроем, что пилот жив и вместе с ним в наших руках его шпионское снаряжение» [11].

Так началась сложная комбинация, которую задумал Хрущёв. История с полётом U-2 выставила его в глупом свете — нашёлся, мол, простак, который уши развесил, убаюканный империалистической пропагандой. Вот она дружба — неприкрытый шпионаж. Дочь Хрущёва Юлия вспоминала, что после звонка Малиновского отец всё утро ругал Эйзенхауэра: «Тоже мне, друг-приятель! Предатель! Мерзавец! Обманщик!» [12]. Поэтому Никита Сергеевич бил не столько по американцам, хотя обида на них была очень сильна, сколько выводил самого себя из-под удара. Разыгрывая эту комбинацию, он хотел предстать перед советской страной не как беспомощная жертва американского коварства, а как уверенный в себе лидер, который держит в руках обстановку: шпионский самолёт сбил, американцев в ловушку заманил, заставив их лгать на весь мир, а потом разоблачил как бессовестных лгунов, виновных в шпионаже. Ну а потом можно будет благосклонно принять извинения американского президента и спокойно ехать в Париж как победитель.

Но вот с последним вышло иначе. Скандальное разоблачение было действительно громким. Обломки самолёта U-2 выставили на всеобщее обозрение в Москве в парке имени Горького. Пауэрса продемонстрировали корреспондентам. Но вот извинений от Эйзенхауэра в Париже Никита Сергеевич не получил, а посему встречу на высшем уровне сорвал. Международная обстановка резко обострилась. Мир стал вползать в полосу серьёзных кризисов, которые пару лет спустя чуть-чуть не окончились третьей мировой войной.

Библиографический список

1. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. – М.: КолЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. – С.386.
2. Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. – М.: Издательство «Книга, лтд.», 1993. – С.361.
3. Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. – М.: Вече, 2000. – С.364.
4. Таубман У. Хрущев. – М.: Молодая гвардия, 2005. – С.477.
5. Амброз С. Указ. соч. – С.477-478.
6. Гриневский О. Проболтался. // Родина. №1. 1996.– С.82.
7. Орлов А.С. Указ. соч. – С.395.
8. Таубман У. Указ. соч. – С.484.
9. Таубман У. Указ. соч. – С.496.
10. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. –С.174.
11. Гриневский О. Указ. соч. – С.86.
12. Гриневский О. Указ. соч. – С.81.